
Книга: Д.Н.Мамин-Сибиряк. Избранные произведения для детей
Государственное Издательство Детской Литературы, Москва, 1962
Рисунки Е.Мешкова
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 27 апреля 2002 года

I

Погода крепчала. По ровной поверхности снегового уровня реки тонкими струйками пробегал мелкий снег, заметавший узкую проселочную дорогу. Небольшие сани, нагруженные до верха кожаными мешками "с почтой", едва тащились по этому сыпучему снегу, точно ехали по толченому стеклу. Небольшая мохнатая лошаденка останавливалась уже несколько раз, фыркала и оглядывалась. Ямщик Евстрат передвигал свою меховую шапку с одного уха на другое и ворчал:

- Эх, не в хороший мы час выехали с тобой, Лука Иваныч... Не пришлось бы заночевать в лесу.
- Ничего не поделаешь: служба...

Лука Иваныч, земский почтальон, представлял из себя что-то вроде ледяной сосульки. Из-под надвинутой на лицо меховой оленьей шапки с наушниками выглядывали одни глаза, а ниже глаз кончался воротник старой волчьей шубы, присвоенной по штату всем русским почтальонам. Свободного места в санях, занятых почтой, не оставалось, и он, как акробат, приткнулся как-то в уголке, рискуя вылететь из саней каждую минуту. Волчья шуба давно вылезла и плохо грела, и Лука Иваныч, наученный горьким опытом, старался занять как можно меньше места, то есть корчился, поджимая под себя руки и ноги, чтобы не терять живой теплоты. Он на практике выполнял закон физики, который гласит, что чем меньше поверхность нагретого тела, тем оно меньше выделяет собственной теплоты.

- Ничего, Евстрат, как-нибудь доедем, - говорил Лука Иваныч, стараясь не шевелиться, - каждое движение вызывало у него острую боль. - До Каменки всего верст пять осталось...

Евстрат ничего не ответил, а только передвинул шапку с уха на ухо. Он был одет очень плохо и давно начал коченеть на морозе. Положим, для него мерзнуть было делом привычным; но сегодня мороз делался нестерпимым, - было около сорока градусов, когда замерзла ртуть в термометре и мерзла птица на лету.

Терпение мохноногой лошадки, тащившей земскую почту, кончилось. Она остановилась и, несмотря на удары хлыста, не желала двигаться дальше.

- Ишь тварь! - обругался Евстрат.

Он, не торопясь, слез с облучка, обошел кругом сани, отоптал сгрудившийся под передком снег, навалился плечом на оглоблю, дернул вожжами, - лошадка сделала судорожное усилие, но сани точно замерзли в снегу.

- Ишь ты, какая штука вышла... - проворчал Евстрат, передвигая шапку.

Он обошел лошадь, вытер рукавицей снежок, залепивший ей глаза и ноздри, и еще раз передвинул шапку.

- Шабаш, Лука Иваныч... Нету нам дальше с тобой ходу.